

Скандальная наследница

Автор:

[Кейтлин Крюс](#)

Скандальная наследница

Кейтлин Крюс

Любовный роман – Harlequin #393

Светская львица Ларисса Уитни, разочарованная в жизни, в поисках уединения отправляется на маленький остров. Там она встречает Джека Эндикотта-Саттона, с которым пять лет назад у нее был роман. Страсть вспыхивает с новой силой, но сможет ли Джек поверить женщине, которая когда-то ушла от него, ничего не объяснив?

Кейтлин Крюс

Скандальная наследница

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Heiress Behind the Headlines

© 2011 by Caitlin Crews

«Скандальная наследница»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Удача изменила Лариссе Уитни, когда массивная дверь громко хлопнула и залитые ноябрьским дождем оконные стекла задрожали.

Она перевела безразличный взгляд с мрачных серых волн Атлантического океана, бьющихся о скалистый берег острова в штате Мэн, на дверь крошечного бара единственной гостиницы в маленьком поселке, находящемся вдали от шумного Нью-Йорка с его голубым небом и солнечными днями. Уже целую неделю она наслаждалась покоем и уединением, ради которых приехала сюда.

Поэтому, когда Ларисса увидела высокого широкоплечего мужчину, появившегося в дверном проеме, внутри у нее все оборвалось. Она часто заморгала, словно он был галлюцинацией. Разумеется, он никуда не исчез, потому что это был настоящий Джек Эндикотт-Саттон, а не призрак из ее прошлого. Войдя в бар, он снял с себя мокрую куртку и повесил ее на вешалку.

«Пожалуйста, пусть это будет кто угодно, только не Джек Саттон», – мысленно взмолилась Ларисса, крепче сжав в руках кружку с кофе.

Но все мольбы были бесполезны, потому что ошибиться она не могла. Это красивое мужественное лицо навсегда запечатлелось в ее памяти, и не только благодаря гляцевым журналам, обложки которых оно часто украшало в свое время. Она была лично знакома с этим человеком.

Черная футболка с длинными рукавами облегла его мускулистый торс, к которому всегда так любили прижиматься топ-модели, старлетки и светские львицы. Было непривычно видеть вылинявшие джинсы и грубые рабочие ботинки на человеке, который привык щеголять по Манхэттену в одежде от «Армани». Следовало ожидать, что в таком виде он не будет выделяться на фоне остальных посетителей, одетых примерно так же, но Ларисса сомневалась, что Джек Саттон способен смешаться с толпой.

Среди его предков-аристократов были «бостонские брамины»[1 - «Бостонские брамины» - нетитулованная аристократия, политическая и деловая элита Северо-Востока США.] и потомки первых поселенцев - промышленные магнаты и авантюристы, крупные филантропы и дальновидные инвесторы. От них он унаследовал совокупность качеств, которые сделали его тем, кем он является сейчас. Он не кичился своим наследием. Оно было подобно мощному оружию, которое не нужно выставлять напоказ.

Ларисса знала, что оно собой представляет, поскольку происходила из той же среды, что и Джек. Но также она знала, что он главный в ее жизни кошмар. И что он преграждает единственный выход отсюда.

«Снова неудача, Ларисса, - сказала она себе со смесью горечи и отчаяния. - Ты даже спрятаться нормально не смогла».

Но впасть в истерику не имеет смысла. Вжавшись в спинку кресла, она плотнее запахнула шерстяной кардиган, словно это могло помочь ей отгородиться от остального мира или, по крайней мере, от всего того, что она знала до сих пор.

Она заставила себя перевести взгляд с главного завидного жениха Манхэттена на безжалостные волны, ударяющиеся о зазубренные скалы, будто желая их сокрушить.

Возможно, он ее даже не узнает. Она покинула Нью-Йорк несколько месяцев назад и никому не сказала, куда направляется. Прежде она никогда не

проводила время в Богом забытых местах в сотнях миль от ближайшего спа-салона. Более того, она обстригла свои длинные светлые волосы и покрасила то, что от них осталось, в черный цвет. Она не хотела, чтобы ее узнал кто-то из ее никчемной прошлой жизни, поэтому даже здесь носила в основном джинсы с бесформенными кардиганами или толстовками.

Только она знала, что такого человека, как Джек Саттон, нелегко провести. Даже кому-то вроде Лариссы Уитни, которая много лет водила всех вокруг за нос. Именно по этой причине его появление в этом маленьком баре заставило ее напрячься.

– Ларисса Уитни? – раздался рядом с ней спокойный низкий голос, в котором еле угадывались нотки удивления.

У нее перехватило дыхание.

Не дожидаясь приглашения, он опустил в кресло напротив и вытянул под столиком длинные ноги, так что ей пришлось убрать свои и мысленно отругать себя за это маленькое проявление слабости. Его темно-карие глаза заблестели, и она запретила себе искать причину этого блеска, когда наконец встретилась с ним взглядом.

Ну почему она встретила именно Джека Саттона? Что он здесь делает? Он единственный человек, которого ей не удавалось ввести в заблуждение, даже когда его считали таким же пропащим, как ее сейчас. Надо же было ему здесь появиться! За несколько месяцев скитаний ее никто ни разу не узнал, а сейчас она оказалась на забытом Богом острове с человеком, который слишком хорошо ее знает. Именно по этой причине его неожиданное появление так ее напугало.

На один безумный миг ей захотелось притвориться другим человеком, сказать ему, что она понятия не имеет, кто такая Ларисса Уитни. Это было бы отчасти правдой, потому что она сама себя толком не знала. Возможно, отрицание своего существования помогло бы ей на время избавиться от ответственности за прошлые ошибки, но темные глаза Джека, казалось, видели ее насквозь, и она не осмелилась.

Вместо этого она растянула губы в дежурной улыбке. Этот навык был отточен еще в раннем детстве, и, когда ей в старших классах кто-то сказал, что улыбка

должна идти от души, она удивилась.

– А кто же еще? – весело произнесла она, делая вид, что его близость никак на нее не действует.

– Что-то я не заметил, чтобы поселок кишмя кишел папарацци, – ухмыльнулся он, продолжая смотреть на нее с вызовом. А может, это было презрение? В последнее время она с трудом отличала одно от другого. – Никаких шикарных яхт в бухте в середине ноября. Никаких клубов с пресыщенной золотой молодежью. Ты, случайно, не перепутала этот остров с югом Франции?

– Я тоже рада тебя видеть, – небрежно ответила Ларисса, словно его насмешливый тон никак на нее не подействовал. – Сколько мы не виделись? Пять лет? Шесть?

– Что ты здесь делаешь, Ларисса?

Поняв по его голосу, что он спросил это не из простой любезности, она едва сдержала дрожь.

– Разве девушка не может устроить себе небольшие каникулы? – произнесла она игривым тоном.

– Только не здесь, – ответил Джек, слегка прищурившись. – Для тебя в поселке, в котором проживает менее пятидесяти семей, не может быть ничего интересного. Здесь всего один магазин. Паром на материк ходит всего два раза в неделю, и то только при нормальных погодных условиях. – Его красивый рот сжался в твердую линию. – Такой девушке, как ты, здесь делать решительно нечего.

– Мне по душе здешнее гостеприимство, – сухо ответила Ларисса, не понимая, почему в присутствии Джека во рту у нее пересохло, а руки и ноги стали ватными. Она знает Джека всю свою жизнь. Они росли в одном и том же замкнутом сообществе денежной аристократии Нью-Йорка. Посещали одни и те же частные учебные заведения и клубы, ездили на такие престижные курорты, как Аспен, Хамптонс, Майами и Мартас-Виньярд.

Особенно хорошо Ларисса помнила одну летнюю вечеринку в Хамптонсе. Джеку было тогда двадцать с небольшим. Он был веселым и добродушным, с его лица не сходила улыбка. При этом он обладал решительным характером, незаурядным интеллектом и хорошим чувством юмора. Неудивительно, что все девушки были в него влюблены. Именно таким она помнила Джека – веселым, обаятельным и остроумным. Излучающим тепло и свет. В мужчине, который сидел перед ней, было трудно узнать того юношу.

У нее были и более поздние воспоминания, связанные с Джеком, но ей не хотелось вытаскивать из глубин памяти те дни, когда он перевернул ее мир с ног на голову. Тогда она поняла, что он представляет для нее опасность. Что его глаза цвета темного шоколада замечают слишком много.

Правда состоит в том, что этот мужчина ее очаровал, а затем напугал. Поэтому сейчас, когда она пытается разобраться в себе, появление Джека Саттона может все усложнить. Он невыносим и неуправляем.

Ларисса тут же приняла вальяжную позу, чтобы стать похожей на скучающую светскую львицу. Она умела притворяться такой, какой ее хотели видеть другие. Иногда ей казалось, что это единственный навык, которым она владеет в совершенстве.

– Зачем тебе весь этот маскарад? – мягко спросил Джек, окинув ее задумчивым взглядом. – Ты от кого-то прячешься? Или, может, предаешься каким-то фантазиям?

– Почему ты спрашиваешь? – Она издала легкий смешок. – Боишься, что в моих фантазиях нет места для тебя?

– Совсем наоборот, – отрывисто сказал он, сверкнув глазами, словно она сделала ему что-то плохое.

Сбитая с толку, Ларисса заморгала. Нет, если бы она ему что-то сделала, она бы об этом помнила. Джек Саттон не из тех мужчин, которых легко забыть.

– Я слышала, что на островах штата Мэн в это время года особенно красиво. Разве я могла отказаться от поездки?

Она кивком указала ему на окно. По вечернему небу быстро плыли свинцовые тучи, дождь хлестал по стеклам, а суровые скалы внизу выдерживали бурный натиск волн. Она сравнила себя с одной из этих скал, которой каким-то удивительным образом все еще удается стоять, несмотря на удары, которые продолжает ей наносить ее прошлое – океан. Тогда колкости Джека – всего лишь капли дождя в этом океане.

– У тебя был рекордный год, не так ли? – произнес он тем же уверенным тоном. – Или это просто слухи?

Его слова заставили ее почувствовать себя уязвимой. Она всячески старалась этого избегать. Хуже всего то, что она не может себя защитить, рассказав Джеку, как все было на самом деле. Ей приходится мириться с выдумкой и с тем, что все считают эту выдумку правдой. Это не отличается от любого другого скандала с ее участием. Только на этот раз автор выдумки не она.

– О да, – согласилась Ларисса. – Сначала пребывание в реабилитационном центре, потом разорванная помолвка. Спасибо, что напомнил.

Что она могла ему сказать? «Я была в коме»? Вряд ли. Ее жизнь и так достаточно похожа на мыльную оперу, чтобы добавлять в нее неправдоподобные детали.

В конце концов, весь мир знает, что Ларисса Уитни, никчемная легкомысленная особа и огромное разочарование для ее знаменитой семьи, восемь месяцев назад потеряла сознание возле элитного ночного клуба на Манхэттене в результате неудачной попытки самоубийства. Благодаря назойливости папарацци и ловким манипуляциям ее отца мир также узнал, что произошло дальше. Лариссу поместили на два месяца в частный реабилитационный центр. Выйдя оттуда, она благополучно прогуливалась по Манхэттену под руку со своим многострадальным женихом Тео, исполнительным директором компании, принадлежащей ее семье. Затем Тео неожиданно бросил Лариссу и, к всеобщему потрясению, уволился из «Уитни медиа». Все винили в этом бессердечную вероломную Лариссу. Это было неудивительно, учитывая то, что она не раз публично смеялась над Тео.

На самом деле она не была ни в каком реабилитационном центре. Те два месяца она пролежала в коме в специально оборудованной комнате в фамильном особняке. Ее родные уже не верили, что она выйдет из комы.

Но эта история была не так интересна, как придуманная. В любом случае, расскажи она правду, ей никто бы не поверил. И разумеется, она, как обычно, сама была во всем виновата.

– Разве ты натворила недостаточно? – спросил Джек, словно прочитав ее мысли. – Думаешь, тебе удастся втянуть меня в одну из твоих грязных игр? Тебе придется придумать что-нибудь другое, Ларисса. Я уже давно не играю в подобные игры.

– Ну раз ты так говоришь... – произнесла она небрежным скучающим тоном, словно ей не хотелось подняться и убежать подальше от этих темных глаз, которые, похоже, видят ее насквозь.

Но она лучше умрет, чем покажет ему, что он причиняет ей боль. Она определенно не может ему сказать, почему находится на этом маленьком клочке суши, терзаемом со всех сторон волнами и продуваемом всеми ветрами. Не может сказать, что села на паром, потому что вот уже несколько месяцев отчаянно пытается спрятаться от остального мира. Не может объяснить, что творится у нее на душе после того, как она бездарно распорядилась вторым шансом, который подарила ей судьба. Только не Джеку. Она по-прежнему считает, что недостойна его, даже несмотря на все его жестокие слова и суровые взгляды.

Она дала себе слово, что больше никогда не будет лгать, и намерена его сдержать. Но это вовсе не означает, что она должна быть с ним честной. От нее настоящей так мало осталось, что, если она отдаст ему хотя бы крошечную частичку этого, он ее погубит. Поэтому она предстанет перед ним такой, какой он ее видит.

Растянув губы в улыбке, которая, даже будучи пустой и искусственной, заставляла мужчин предаваться сексуальным фантазиям, Ларисса наклонила голову набок и посмотрела на него так, словно его слова никак на нее не подействовали. словно все это было не чем иным, как обычным флиртом. Затем она кокетливо подняла брови, приоткрыла губы и произнесла низким голосом:

– Скажи мне, Джек, в какие игры тебе нравится играть?

Глава 2

Ларисса выглядела такой хрупкой. Глядя на ее красивое лицо с тонкими чертами, было трудно себе представить, что может делать избалованная дочь миллиардера, привыкшая к бурной светской жизни, в таком уединенном месте, как этот остров. Печаль, таящаяся в ее глазах цвета морской волны, намекала на глубокие душевные переживания, на которые она была не способна.

«Это очередная наглая ложь Лариссы Уитни», – подумал Джек с отвращением, которое было в большей мере направлено на него самого, чем на нее, поскольку он чуть не поверил ее лживым глазам.

И поскольку он чувствовал, что воздух между ними искрится от сексуального напряжения, как и раньше. Он долго отрицал, что его влечет к этой женщине, но собственное тело было невозможно обмануть. Влечение охватило его сразу, как только он увидел ее в баре, такую одинокую и печальную. Сейчас, когда она приоткрыла рот и соблазнительно провела кончиком пальца по нижней губе, оно усилилось и заставило его вспомнить о том, как эти чувственные губы когда-то его целовали. Как ее длинные стройные ноги обхватывали его бедра во время интимной близости. Но он давно перестал слепо подчиняться своим желаниям, особенно тем, которые могли его разрушить. Особенно когда он знал, как мало женщина вроде Лариссы может предложить мужчине, для которого репутация важнее удовольствий.

– Хорошая попытка, – небрежно произнес он, словно не был возбужден, – но одного раза было более чем достаточно.

Ему показалось, что в ее глазах что-то промелькнуло, прежде чем ее губы растянулись в улыбке, загадочной и опасной как пение сирены. На мгновение ему захотелось податься вперед, притянуть ее к себе и поцеловать.

– О, Джек, – промурлыкала она, – все вы, мужчины, сначала так говорите.

Джек хотел бы оставаться равнодушным. Хотел бы, глядя на нее, видеть правду, которую он о ней знает, а не ранимость, вызывающую желание ее защитить. Хотел бы, чтобы с новой прической и в бесформенном сером кардигане она не выглядела серьезной.

Но он отдавал себе отчет в том, что все это игра. Он знал об этой женщине все. Знал, что ее печаль и беззащитность – это всего лишь игра на публику. Что на самом деле она так же бездушна, как все люди в том мире, к которому она принадлежит. Он и сам таким был, пока не повзрослел и не оставил тот мир лицемерия и тщеславия.

– В пятницу на рассвете отсюда отправляется паром, – произнес он холодным тоном. – Я хочу, чтобы ты на него села.

Ларисса рассмеялась. Ее смех был похож на звон маленьких серебряных колокольчиков.

– Ты приказываешь мне убраться с этого острова? – спросила она. – Да ты прямо диктатор. Я сейчас упаду в обморок от страха.

Джек продолжал серьезно на нее смотреть. Этот остров – его убежище, где он прячется в суровые зимние месяцы, когда сюда не приезжают богатые туристы и владельцы здешних особняков из Новой Англии. В эти месяцы ему не нужно быть Джеком Эндикоттом-Саттоном, достойным преемником двух влиятельных американских семейств и в то же время головной болью для его деда. Не нужно думать о своем долге. Здесь он может жить, не беспокоясь о том, как каждый его шаг может отразиться на его пригодности для управления «Эндикотт Фаундейшн», крупной благотворительной организацией, принадлежащей им с дедом. Здесь, на острове с суровыми погодными условиями, среди рыбаков, для которых единственный авторитет – это океан, он может быть просто Джеком.

Он не может допустить, чтобы Ларисса Уитни оскверняла его убежище своими грязными играми. Уединенный остров на северо-востоке страны не место для изнеженной светской львицы. Здесь нет роскошных бутиков, ночных клубов и прессы. Здесь у нее не будет толпы раболепствующих поклонников.

Джек догадывался, что ее сюда привело, и ему это совсем не нравилось.

– Ты даже не потрудились спросить, что я здесь делаю, – сказал Джек, глядя на ее красивое гладкое лицо, которое ничего не выражало. – Ты ожидала меня здесь увидеть, когда приехала?

– Ты ворвался сюда как романтический герой в логово дракона, – ответила она с притворной улыбкой. – Мне не захотелось портить этот восхитительный момент прозаическими деталями.

– Я знаю, зачем ты приехала. Ты правда думаешь, что это сработает, Ларисса? – Джек понизил голос: – Ты забыла, что я знаю, как ты обычно действуешь?

Ларисса заморгала, и на мгновение ему показалось, что она не понимает, о чем идет речь. Тогда он напомнил себе, что у нее лучше всего получается притворяться невинной овечкой.

Наклонившись вперед, она положила руку ему на бедро. «Нет, – подумал Джек. – Вот что получается у нее лучше всего». Она способна соблазнить мужчину одним лишь прикосновением, одной лишь своей близостью. Перед ней невозможно устоять, и она это знает.

Ее неповторимый запах щекотал ему ноздри. Ее ладонь обжигала кожу через ткань джинсов, пробуждая воспоминания, которые он все эти годы так старательно подавлял. Он обнаружил, что по-прежнему ее хочет, но это вовсе не означало, что он собирается поддаваться этому желанию.

Джек начал подниматься, и ей пришлось отстраниться. Какая-то его часть хотела заключить ее в объятия и раствориться в ней, но времена, когда он позволял Лариссе играть с ним в эти игры, остались в прошлом.

– Пятница. Шесть тридцать утра. Паром, – произнес он командным тоном. – Это не просьба.

– Я благодарна тебе за уточнение расписания, – спокойно ответила Ларисса, – но я буду делать то, что хочу, Джек.

– Только не на этом острове, – сказал он, внезапно начав получать удовольствие от сложившейся ситуации.

Ее брови поднялись, улыбка стала более вызывающей.

– Не понимаю, как человек, чьи предки подписывали Декларацию независимости, может забыть, что мы живем в свободной стране, – протянула она, сверкая глазами. – Я могу находиться где хочу и сколько хочу.

– Этот остров частная собственность, – ответил Джек, высокомерно улыбаясь. – Он принадлежит мне.

«Какая же я идиотка!» – думала Ларисса, лежа в ванне в своем крошечном номере на верхнем этаже.

Остров Эндикотт. Ей следовало сразу понять, кому он принадлежит.

С другой стороны, есть множество городов, улиц, зданий и мостов, названных в честь представителей уважаемых в стране семей. Отправляясь на концерт в Карнеги-холл в Нью-Йорке, никто не ожидает наткнуться там на кого-то из семьи Карнеги. В Международном аэропорту Кеннеди тоже не каждый день можно встретить кого-то из потомков тридцать пятого президента США.

Все же когда она увидела здесь Джека, она должна была связать его фамилию с названием острова, вместо того чтобы реагировать на его близость и предаваться воспоминаниям об их страсти.

Бросив мрачный взгляд на свое отражение в зеркале, Ларисса выбралась из ванны и завернулась в махровое полотенце.

Ей не следовало делать многие вещи, в том числе поддаваться искушению пять лет назад.

«Не следовало делать» – главные слова в ее жизни.

Только Ларисса надела футболку и тренировочные брюки, как в дверь постучали. Внутри у нее все замерло. Это мог быть только один человек – Джек Эндикотт-Саттон. Кроме него она никого здесь не знала.

Инстинкт самосохранения кричал: «Не открывай! Этот мужчина очень опасен», но ее ноги сами пошли к двери. Пять лет назад, даже находясь в угнетенном

состоянии, она осознала опасность и смогла от него уйти. Почему же сейчас, когда прошло столько времени, она не может остановиться?

Или не хочет?

Что бы она себе ни говорила, она всегда была беспомощной, когда дело касалось этого мужчины.

Как только она открыла дверь, Джек, не дожидаясь приглашения, переступил порог. Чтобы с ним не столкнуться, ей пришлось быстро отойти на несколько шагов назад. Его губы слегка изогнулись в самодовольной улыбке, и Ларисса едва сдержала грубое ругательство.

Она знала, что Джек мастер оказывать давление на других. Без этого он вряд ли смог бы занимать свое нынешнее положение в «Эндикотт Фаундейшн» и пользоваться авторитетом в высших кругах.

– Ты немного преувеличивал, когда говорил, что этот остров принадлежит тебе, – сказала Ларисса, решив, что лучшая защита – это нападение. В домашней одежде она чувствовала себя уязвимой, но не позволила себе сложить руки на груди. Джек, несомненно, правильно истолковал бы этот защитный жест и использовал его против нее.

– Я никогда не преувеличиваю, – ответил он, глядя на ее губы так, словно собирался ее поцеловать. Под этим взглядом внутри у нее тут же вспыхнул огонь. – Нет такой необходимости.

– Твоя семья когда-то владела этим островом. – После их встречи в баре Ларисса зашла со своего смартфона в Интернет и узнала кое-что интересное. – Но твой дед лет тридцать назад передал большую его часть «Мэн Кост Хэритидж траст», а еще часть штату Мэн задолго до этого. Так что сейчас ты просто сидишь в своем фамильном особняке и смотришь в окно на землю, которая могла бы принадлежать тебе. – Она издала короткий смешок. – Как это грустно.

– Я польщен, – сказал Джек, пройдя еще дальше в комнату. Колени Лариссы дрожали, комната словно уменьшилась в размерах, но она не сдвинулась с места. – После нашей встречи ты побежала наводить обо мне справки или, может, ты знала все что нужно до того, как приехала сюда?

– Полагаю, это вопрос с подвохом. Мы знакомы с детства, Джек. Думаю, есть очень мало вещей, которые я о тебе не знаю. – Ларисса небрежно махнула рукой. – Не считая твоих сокровенных мыслей, разумеется. Если, конечно, они у тебя есть. – Она самодовольно ухмыльнулась. – Я обнаружила, что у таких чванливых людей, как ты, они зачастую отсутствуют.

– Думаю, ты путаешь меня с собой, – мягко ответил Джек. Его темные глаза блестели так, будто ее слова одновременно позабавили и разозлили его. – Не меня считают самым легкомысленным человеком во всем Нью-Йорке. Это большое достижение, Ларисса. Должно быть, ты им очень гордишься.

Ларисса ощутила укол боли и стыда, но тут же подавила эти чувства. Таблоиды критикуют ее с тех пор, как она перестала быть ребенком. «Легкомысленная» – это комплимент по сравнению со всеми эпитетами, которыми ее до сих пор наделяли. Почему ее должно волновать, что Джек плохо о ней думает? Ведь для нее он уже давно ничего не значит.

– Да ладно тебе, Джек. Не строй из себя пай-мальчика. – Она изо всех сил старалась не смотреть на рельеф мышц его живота, угадывающийся под футболкой. – Ты не можешь отрицать, что мы с тобой знакомы целую вечность. Я знала тебя задолго до того, как ты изменился. До того, как ты стал самым скучным человеком на свете. Я тебя знала, когда ты был веселым. – Она лениво пожала плечами, зная, что выглядит искушенной и беспечной. – Если мне память не изменяет, одно время ты был самым распущенным плейбоем в Нью-Йорке. – В конце этого периода она сама стала жертвой его чар. – Ты поэтому так меня ненавидишь? Потому что я знала тебя в то время? Это несправедливо. Весь Манхэттен знал, каким ты был тогда.

– Я не испытываю к тебе ненависти, Ларисса. Я тебя знаю.

Протянув руку, он смахнул с ее шеи капельку воды. Посмотрев в его глаза, она увидела в них гнев, желание и что-то мрачное, что напугало ее и в то же время заинтриговало.

– Что ты делаешь? – возмущенно произнесла она, но не отстранилась. Это было безумие. Один раз ей удалось от него убежать. Вряд ли ей повезет дважды.

Его губы дернулись в торжествующей улыбке.

– На острове Эндикотт нет никаких развлечений, – сказал он, проведя пальцем по краю выреза ее футболки. Несмотря на дразнящий жест, взгляд его был холодным. – Я бы не хотел, чтобы ты скучала. Я видел, что происходило, когда тебе становилось скучно. – Он издал слабый смешок. – Думаю, весь мир это видел.

– Сейчас мне тоже скучно.

В ответ на это Джек улыбнулся:

– Пока ты здесь, мы могли бы напомнить друг другу об одной-единственной вещи, которая у нас по-настоящему хорошо получается.

Ей захотелось притвориться глупой, спросить, о чем идет речь, но его сверкающий взгляд остановил ее. Она испугалась, что он может продемонстрировать ей, что он имел в виду. Разве она смогла бы это вынести? Он думает, что она такая же, как пять лет назад. Бесчувственная поверхностная девчонка, которой все как с гуся вода. Она не может допустить, чтобы он погубил новую Лариссу, более спокойную и серьезную.

Также ей не следует убеждать его в том, что она изменилась. Он все равно бы ей не поверил и продолжил ее обвинять, а она не смогла бы себя защитить. Ведь она сама еще толком не знает, что с ней произошло и какой она стала. Она хочет это узнать и в то же время боится.

– Ты, кажется, сказал, что одного раза тебе было более чем достаточно, – ответила Ларисса и, к своему удивлению, обнаружила, что боль, вызванная его словами, еще не прошла. Она знала, что ей не следовало ее испытывать. Одним негативным мнением больше, одним меньше. С этой мыслью она томно улыбнулась: – Можешь не стараться. Большинству мужчин не удастся со мной сладить. Тебе тоже не удастся.

Его ответная улыбка была мрачной, почти зловещей. Глаза его стали похожими на тлеющие угли, и у нее перехватило дыхание.

– Проверим? – хрипло произнес Джек.

Прежде чем она смогла что-либо сказать, он положил руки ей на плечи, притянул к себе и накрыл ее губы своими.

Глава 3

Хуже всего было то, что все эти годы она помнила его поцелуи. Новые оказались еще лучше.

Ее ладони скользили по его твердой мускулистой спине. Ткань его футболки была довольно плотной, но через нее она чувствовала жар, исходящий от его тела. Ей безумно хотелось запустить под нее руки и прикоснуться к нему.

Он целовал ее снова и снова, словно был охвачен тем же безумием, что и она. Словно не собирался останавливаться.

Ее глаза закрылись, спина выгнулась дугой, заставив ее теснее прижаться к нему. Она чувствовала, что плавится в его руках.

На этот раз она не пьяна и полностью себя контролирует, но, даже осознавая опасность Джека Саттона, продолжает отвечать на его поцелуи. Похоже, она не может перед ним устоять. Этот мужчина словно создан специально для того, чтобы сводить ее с ума. Она прекрасно понимает, чем рискует. Как бы хорошо ей с ним ни было, она не может притворяться, говоря себе, что их близость ее не разрушит.

Инстинкт самосохранения говорил ей, что если она ему отдастся, то на этот раз не сможет оправиться от потрясения.

Прервав поцелуй, Ларисса высвободилась из объятий Джека и поспешно надела на себя маску бессердечной кокетки, чтобы он не смог заглянуть ей в душу и увидеть, в каком смятении она находится.

– У тебя по-прежнему хорошо это получается, – весело сказала она, словно ее тело не было напряжено как натянутая струна, – но, боюсь, мне придется отказаться от продолжения.

– Почему? – спросил он, призывно глядя на нее.

– Потому что ты слишком этого хочешь. – Повернувшись, она подошла к камину и, обернувшись через плечо, язвительно бросила: – Больше, чем я.

Ему не следовало этого делать. Не следовало прикасаться к ней, тем более ее целовать. Ее глаза блестели от желания. Ее губы припухли от поцелуев, и ему безумно хотелось снова прикоснуться к ним. Эта женщина действовала на него как наркотик. К его сожалению, она продолжала играть с ним в свои лживые игры.

– Я не знал, что так сильно тебя напугал, – насмешливо протянул он. – Я думал, ты ничего не боишься.

– Я боюсь летучих мышей и скорпионов. – Ларисса притворно содрогнулась. – А вот тебя я нисколько не боюсь. Должно быть, ты сильно разочарован, Джек.

– Я знаю, почему ты здесь. – Это прозвучало более сердито, чем он хотел. – Ты можешь перестать играть и признать это.

Ларисса снова посмотрела на него, и он в очередной раз поразился несоответствию между ее внешней беззащитностью и внутренней безжалостностью, хотя прекрасно знал, что, несмотря на хрупкий вид, эта женщина несокрушима.

В ее глазах, которые всегда напоминали ему океан, появились странные тени и так быстро исчезли, что он решил, что это обман зрения.

– Может, скажешь почему? – Она снова повернулась лицом к камину. – Или мы сделаем вид, будто это уже произошло? Сомневаюсь, что ты можешь мне сказать что-то новое. Не беспокойся, список оскорблений я смогу дополнить сама.

В ее голосе он услышал горечь, причина которой была ему непонятна. Будь на ее месте другая женщина, он бы предположил, что задел ее чувства. Но это Ларисса Уитни. У нее нет и не может быть никаких чувств.

Вопреки его воле, его взгляд скользнул по ее фигуре. Разве он может не любоваться ей? Пресса не зря утверждает, что она одна из красивейших женщин своего времени. У него была возможность подробно изучить ее красоту. Он знал каждую черточку ее аристократического лица, каждый изгиб ее восхитительного тела. Знал, что у нее сзади на шее прямо под линией волос есть чувствительная точка. Что если прижаться к ней губами, ее тело содрогнется, а из горла вырвется довольный стон.

Черные тренировочные брюки и простая обтягивающая футболка, которые были на ней сейчас, показались ему более эротичными, чем ее самые дорогие и замысловатые наряды. Она не выглядела неуместной на этом острове, но он знал, что изменение имиджа лишь часть ее грязной игры. Разумеется, он не может сделать ей комплимент, если не хочет, чтобы она воспользовалась этим против него. Для достижения своих целей Ларисса Уитни использует все и вся. Он знает это лучше, чем кто-либо другой.

Джек потратил пять лет на то, чтобы понять, почему поддался ее чарам. У него было множество разных предположений, но ответа он так и не нашел.

– Вот видишь? – Ларисса повернулась к нему лицом. Глаза ее были непривычно темными, на губах играла знакомая дерзкая улыбка. – В разговоре нет необходимости, так что можешь уходить.

– В следующем месяце состоится собрание совета директоров «Уитни медиа», – сообщил ей Джек.

Она слегка поморщилась, и он понял, что его удар попал в цель. У него сложилось впечатление, что ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы снова принять беспечный вид, и в груди у него что-то сжалось. Почему он не испытывает радости? Он ведь раскрыл ее хитроумный замысел.

– Ты определенно стал самым скучным человеком на свете, – мягко произнесла она. Джек посмотрел ей в глаза, но не смог ничего в них прочесть. – Последнее, о чем мне хотелось бы говорить на этом тихом уединенном острове, это об

«Уитни медиа».

– До меня дошли слухи.

Подойдя к креслу, Ларисса опустилась в него и ответила безразличным тоном:

– Нью-Йорк живет слухами. Его жители днем и ночью обмениваются грязными сплетнями. Именно поэтому город никогда не спит. – Она небрежно пожала плечами. – Достоверность информации никого не интересует.

– Тебе необходимо присутствовать на этом собрании, не так ли? Не зря же ты несколько месяцев избегала публичных скандалов. Теперь тебе нужно доказать своему отцу, что ты стала благоразумной, иначе он решит, что ты не способна распоряжаться своими акциями, и тебе придется подписать доверенность.

Это не сплетня. Он сказал ей в точности то, что узнал из «Уолл-стрит джорнал», но ее глаза цвета морской волны вспыхнули на миг от гнева, прежде чем она одарила его еще одной томной улыбкой.

– Звучит так, будто я с восемнадцати лет всячески борюсь за право руководить компанией, словно отчаянная героиня какой-нибудь мыльной оперы, – пробормотала Ларисса. – Сколько я себя помню, за меня всегда голосовали по доверенности. – Она поморщилась. – Не могу себе представить ничего скучнее, чем заседание совета директоров. Особенно если речь идет о компании, от названия которой меня тошнит с раннего детства. – Она встретила с ним взглядом. – Ты же знаешь, как я не люблю испытывать скуку.

– Твоими акциями управляли твой отец и Тео Гарсия, – безжалостно произнес Джек, никак не отреагировав на спектакль, который она перед ним разыграла. – Но твой жених, который всегда тебя защищал, ушел от тебя и из компании. Что же касается твоего отца, всем известно, что ты никогда не была его любимицей. Так что это собрание может быть для тебя единственным шансом вернуть контроль над своим наследством.

Он снова сказал ей чистую правду, и она повисла между ними в воздухе. Ее щеки слегка порозовели. Возможно, причина этого жар от огня в камине.

Он хотел, чтобы она призналась, что приехала сюда из-за него. Что он всего лишь средство для достижения ее корыстной цели. Что ей выгоден брак с ним. Ему следовало бы сочувствовать ей. Разве сам он не находится под тем же давлением сейчас, когда его дед требует, чтобы он женился на порядочной девушке? Разве он приехал на остров не для того, чтобы подготовиться к неизбежному?

Ларисса томно вздохнула, и все мысли о сочувствии улетучились. Между ними не может быть ничего общего. Он день за днем исполняет свой долг, делает все для того, чтобы стать достойным преемником своего деда. Лариссе же просто нужен неограниченный доступ к деньгам ее семьи.

– У меня есть другие источники дохода. – Ларисса небрежно махнула рукой. – Это Тео был одержим «Уитни медиа». Когда заходит разговор о корпоративных играх, меня начинает клонить в сон. Как сейчас, например.

Рассмеявшись против своей воли, Джек подошел к ней, наклонился и уперся обеими руками в подлокотники кресла, так что она оказалась в ловушке.

– Позволь мне сказать, что я думаю, – обратился он к ней, глядя в глаза. На лице Лариссы промелькнула тревога. Это была неподдельная реакция, и он почувствовал некоторое удовлетворение.

– Если ты считаешь это нужным, пожалуйста, – лениво протянула она, но Джек заметил, как трепещет жилка пульса у нее на шее. Похоже, она была не такой спокойной, какой хотела казаться.

Он придвинулся ближе:

– Я думаю, что ты приехала на этот остров в сезон штормов, чтобы втянуть меня в борьбу, до которой тебе якобы нет никакого дела. Как ты утверждаешь, я стал ужасно скучным. Респектабельным. Не похожим на твоих знаменитых любовников, не заслуживающих доверия. Я мог бы стать для тебя хорошим союзником, правда, Ларисса? Если бы ты привела меня к своему отцу, он стал бы плясать под твою дудку.

«Это блестящий план», – подумала Ларисса, встретившись взглядом с Джеком. Ничто не приводит ее отца в восторг больше, чем родословные, которые превосходят его собственную. Брэдфорда Уитни ничто не волнует, кроме сохранения наследия Уитни, под которым он подразумевал свою компанию и свое состояние. Ларисса постоянно его разочаровывала, поэтому на роль его преемницы не годилась.

Когда она привела в дом Тео Гарсия в качестве своего бойфренда, ее главным образом интересовало то, что он был выходцем из рабочего класса, не имеющим ни гроша за душой. Она думала, что Брэдфорд не сможет смириться с этим недостатком, но недооценила Тео. Тот быстро стал одной из ключевых фигур в управлении компанией и сыном, которого у Брэдфорда не было. Ларисса знала, что отец никогда не сможет ей простить уход Тео. Ведь с тех пор, как Тео покинул пост исполнительного директора, прибыль компании стала уменьшаться.

Свяжи Ларисса свою жизнь с Джеком Эндикоттом-Саттоном, Брэдфорд был бы вне себя от радости. Ведь Джек единственный наследник двух влиятельных семей, чьи предки прибыли в Америку на «Мэйфлауэре» в числе первых поселенцев. За несколько лет он превратился из легкомысленного плейбоя в надежного работающего человека, достойного унаследовать несметные богатства обеих семей.

Но, разумеется, в планах у Лариссы ничего подобного не было. Она не собиралась возвращаться в Нью-Йорк, тем более вступать в брак с Джеком ради благополучия «Уитни медиа».

Джек последний мужчина на свете, которого она выбрала бы себе в мужа. Рядом с ним она не доверяет самой себе, что подтвердил сегодняшний вечер. Но она не может ему этого сказать и признать, что он всегда имел над ней власть. Точно так же она не может ему объяснить, что на самом деле привело ее сюда. За это ей пришлось бы дорого расплачиваться. В любом случае она привыкла к его невысокому мнению о ней. Пусть и дальше думает что хочет.

– Что притихла, Ларисса? – Насмешливый голос Джека вернул ее к реальности. – Ты действительно думала, что сможешь меня одурачить? Думала, что я поверю, что ты приехала сюда как простой турист? Здесь нечего делать в это время года, особенно женщине вроде тебя. Ты могла приехать сюда по одной-единственной причине, и я ее уже озвучил.

- Ты слишком самоуверен, - ответила она, с трудом сдерживая дрожь в голосе.

- А ты ужасная актриса.

Не убирая рук с подлокотников, Джек опустился на корточки перед ее креслом. Его сильные ноги оказались в считанных сантиметрах от ее ног. Он был таким большим, таким опасным. Лариссе хотелось выскочить из номера и убежать на другой конец острова, но она не осмеливалась даже пошевелиться. В то же время ей хотелось протянуть руку и коснуться Джека. Это желание пугало ее не меньше, чем его близость.

- Почему бы тебе не сказать мне честно, зачем ты сюда приехала?

Ларисса глубоко вдохнула и решила сказать ему часть правды:

- Я понятия не имела, что встречу здесь тебя. Мне не приходило в голову, что на острове Эндикотт может жить кто-то с фамилией Эндикотт. В любом случае что здесь делать в это время года? Мне захотелось отправиться в какое-нибудь отдаленное место, и я села на паром в штате Мэн. У меня не было никакого плана. Я не собиралась ничего доказывать своему отцу. Я стараюсь как можно меньше думать о нем и об «Уитни медиа».

Его губы сжались в тонкую линию, словно она в очередной раз его разочаровала. Ей было слишком хорошо знакомо это выражение его лица. Она полная идиотка, если ожидала от него чего-то другого.

- Ну конечно, - саркастически усмехнулся он. - Тебя внезапно охватила страсть к путешествиям, но по какой-то причине ты выбрала этот остров, а не, скажем, Рио, Мальдивы или Амальфийское побережье.

- Может, я пытаюсь измениться, - сказала она с притворной ухмылкой, чтобы он ей не поверил. - Разве можно найти лучшее место для самокопания, чем уединенный остров, где идет дождь?

Покачав головой, Джек убрал руки с подлокотников и провел ими по ее ногам от коленей до щиколоток. Внизу ее живота снова вспыхнул огонь.

– Ты такая красивая, когда лжешь, – произнес он мягким тоном, который сделал его слова еще более обидными. – Это похоже на искусство. Думаю, тебе следует этим гордиться.

Джек взял ее руки в свои, и она посмотрела на них, прежде чем снова перевести взгляд на его лицо.

– Значит, тебе, в отличие от меня, можно иметь плохую репутацию, а затем исправиться? Потому что ты мужчина, а я женщина?

– Потому что ты Ларисса Уитни, – ответил он со смехом, от которого ее бросило в дрожь.

Она жалела, что не может перестать притворяться и заставить его ей поверить. Она смогла бы, если бы ей хватило смелости.

Но она всегда была слабой. Она выбрала легкий путь, потому что таким образом могла себя защитить. Она всегда искала безопасности и пряталась от проблем.

– Хорошо, – сказала она и даже рассмеялась.

– Поужинай со мной.

– Сказал паук мухе.

– Думаю, мы оба знаем, что единственный, кто плетет здесь паутину, – это ты.

В темных глазах Джека был холодный блеск. Они словно видели ее насквозь. Выпрямившись, он помог Лариссе подняться.

– Кто знает, может, тебе удастся убедить меня принять участие в твоём замысле. Почему бы тебе не попытаться?

Какая самоуверенность! Он думает, будто знает о ней все. Ларисса не знала, чего больше хочет – ударить его или расплакаться.

– Зачем мне это делать? – спросила она с притворным спокойствием. – Кажется, ты уже сам принял решение.

– Убеди меня. – Он сексуально улыбнулся, и Ларисса поняла, что пропала. – Держу пари, у тебя ничего не выйдет.

Глава 4

Владения Эндикоттов занимали большую часть южной половины маленького острова. Дорога, по которой ехала Ларисса, была крутой и извилистой. Высокие сосны, растущие по обеим ее сторонам, напоминали мрачных часовых. В ясные летние дни отсюда, несомненно, можно любоваться красивым видом.

Только когда она преодолела последний подъем, ее взору предстал величественный двухэтажный особняк на краю холма.

Ей было не привыкать к роскошным домам. Она жила в них всю свою жизнь. Однако, когда она сделала последний поворот, сбавила скорость и посмотрела на то, что Джек с небрежностью, присущей аристократам, называл «летним домиком» Эндикоттов, ее сердце забило чаще.

Как и большинство сезонных жилищ состоятельных людей, этот дом не был безмянным. Он назывался «Скеттерипайнз».

Ларисса привыкла к полированным табличкам с названием у парадных дверей. Это тоже часть ее мира. Тогда почему она испытывает странное волнение?

Капли дождя барабанили по крыше и окнам ее взятого напрокат «доджа». Дворники не справлялись с потоками воды. Ларисса не знала, какая буря опаснее – эта с дождем и ветром или та, что бушует внутри ее.

Но она не могла себе позволить думать об этом сейчас. Нахмурившись, она остановила машину и уставилась через мокрое стекло на горделивый силуэт дома, вырисовывающийся на фоне темного неба.

Она не знала, почему остановилась и смотрит на «Скеттерипайнз» так, словно никогда раньше не видела внушительный старинный особняк. Словно она скромная провинциалка, впервые оказавшаяся в большом городе. Словно она не выросла в одном из самых фешенебельных особняков в Нью-Йорке. Наверное, все дело в уединенном местоположении этого дома.

«Скеттерипайнз» располагался на вершине холма передней частью к океану. Других домов поблизости не было. Внизу за холмами горели огни поселка, из которого она только что приехала.

Это был типичный особняк в викторианском стиле с внушительным фронтоном в центральной части и двумя симметричными приземистыми крыльями. Он находился в укромном местечке, в отличие от летнего дома Уитни на Клифф-Уок, на фоне которого так любят фотографироваться туристы.

Может, «Скеттерипайнз» и не такой большой, как дом Уитни, но назвать его «домиком» у нее язык бы не повернулся. Точно так же, как назвать Джека обычным мужчиной. Может, его вылинявшие джинсы и грубые ботинки и сбили ее на мгновение с толку, но вряд ли можно забыть о том, что он один из богатейших и влиятельнейших людей в стране.

Как ее собственный отец и все те люди, от которых она сбежала восемь месяцев назад, он очень опасен. Она приняла его приглашение и приехала сюда, хотя прекрасно знала, что одним ужином дело не обойдется. Ее никто не принуждал.

Наверное, она ведет себя как мотылек, летящий из темноты на яркое пламя огня.

Перед своим уходом Джек снова ее поцеловал. Когда он, тихо выругавшись, удалился, она еще долго не могла унять дрожь.

«Черт бы побрал Джека Саттона и этот дурацкий остров, с которого невозможно убежать», – подумала Ларисса, вдыхая хвойный аромат автомобильного дезодоранта. Она нисколько не сомневалась, что, если бы сегодня не приехала к Джеку на ужин, он бы сам ее нашел. Поэтому она решила, что лучше самой пойти в логово хищника, чем снова попасться в его когти в самый неожиданный момент.

Но кого она пытается обмануть? В какую сказку пытается заставить себя поверить?

Ларисса издала горький смешок.

Она дала себе слово, что больше не будет себя обманывать, даже если это ей поможет защититься от боли.

Ее в очередной раз охватил приступ стыда. Горло сдавило, кровь прилила к голове, под ложечкой засосало. Она так слаба. Разве она не получала доказательства этого много раз?

Она целых восемь месяцев прячется от своего прошлого, от самой себя. От старых друзей, привычек и скандалов. И она этим гордится.

«Посмотрите на меня. Я далеко от Манхэттена, и меня никто не узнает, – подумала Ларисса, запустив пальцы в свои короткие черные волосы, которые когда-то были длинными и светлыми. – Посмотрите на мою добровольную ссылку, на мою готовность прятаться от прессы. Я могу быть другой. Я могу измениться».

Она никогда была такой настоящей, как здесь, на тихом острове в штате Мэн. Несмотря на полное одиночество и душевные терзания, здесь она впервые почувствовала себя живой.

Затем в бар вошел Джек Саттон, человек из ее старой никчемной жизни, и восемь месяцев самокопания пошли коту под хвост. Увидев Джека, она поняла, что так ничему и не научилась.

Ее охватило отчаяние.

Как можно так плохо себя контролировать? Как можно рисковать душевным спокойствием ради человека из прошлого, который заставлял ее вести себя так, будто она была хуже, чем на самом деле?

Как она может оправдать свое присутствие здесь сегодня вечером? Как может добровольно скатываться в яму, из которой выбралась с таким трудом? Это

первое испытание для обновленной Лариссы, и она с треском его провалила.

«Ты главное разочарование в моей жизни. Из тебя никогда ничего путного не выйдет», – пришли ей на память отцовские слова, и она, к своему ужасу, согласилась с ними.

Ларисса прижала пальцы к губам, словно это могло вернуть назад сорвавшийся с них тихий стон.

Она не должна этого делать.

Ларисса включила задний ход, но прежде чем смогла отпустить педаль тормоза, массивная входная дверь особняка распахнулась, и на переднюю часть подъездной аллеи упало световое пятно.

В дверном проеме стоял Джек. Он тут же поймал взгляд Лариссы, и внутри у нее все оборвалось. Она не могла дышать, ее сердце бешено колотилось.

Она знала, что должна уехать, пока не предала себя снова, но вместо этого повернула ключ и заглушила мотор.

Джек все это время наблюдал за ней, словно был полностью уверен, что она сделает так, как он хочет.

Ларисса возненавидела себя, потому что именно так и произошло. Вместо того чтобы завести мотор и уехать, она медленно вышла из машины и сделала большой глоток прохладного влажного воздуха. Оставалось лишь надеяться на то, что ее ноги не подкосятся и она не рухнет перед ним.

Дождь на время ослабел, в отличие от ветра, который словно напоминал, что зима уже не за горами. В воздухе пахло морской солью, мокрой хвоей и дымом. Свет, горящий в холле, манил войти внутрь, но Ларисса предпочла бы раствориться в вечернем мраке.

Джек не сводил с нее глаз. Ее притягивала к нему какая-то первобытная сила, и она не сопротивлялась, хотя он всегда причинял ей только боль. Но разве она когда-нибудь слушала голос разума?

Она сказала себе, что дрожит от холода, но, когда Джек одарил ее своей сексуальной улыбкой, поняла, что больше не может себя обманывать.

Джек хочет видеть ее поверхностной и легкомысленной. Ей придется сделать над собой усилие и предстать перед ним такой. Сделав глубокий вдох, она надела маску беспечности и пошла вверх по ступенькам навстречу ему.

– Никакого персонала? – спросила Ларисса, войдя в роскошный холл. Она двигалась элегантно и уверенно, несмотря на то что на ней был не наряд от-кутюр, а джинсы и водолазка. – Я потрясена до глубины души. Я думала, что представители таких великих семей предпочитают, чтобы их обслуживали, и они ни на секунду не забывали о своем величии.

– Вижу, ты знаешь об этом больше, чем я, – сухо ответил Джек.

Он встретился с ней взглядом, и у нее закружилась голова. Она поспешно отвернулась. Раньше ей не составляло труда притворяться. Даже с ним.

Он сменил футболку на бордовый кашемировый свитер и, даже несмотря на потертые джинсы, перестал быть похожим на рыбака. Наверное, причина в этом доме, в котором все указывает на то, кем он является на самом деле.

Сглотнув, Ларисса передала ему свое короткое двубортное пальто и темно-серый шарф, и он повесил их себе на руку, словно дворецкий.

– Я наблюдал за тобой, когда ты сидела в машине перед входом, – произнес Джек с еле заметной насмешкой. Его темные глаза при этом блестели. – Ты выглядела... – Он не закончил фразу. Ларисса заставила себя кокетливо улыбнуться. Если он увидел что-то странное в ее поведении, пусть думает, будто ему это показалось. – Ты передумала?

– Насчет ужина?

– И это в том числе.

Он убрал ее вещи в стенной шкаф, и она проследовала за ним по тускло освещенному коридору в гостиную. Чтобы не смотреть на мужчину, грациознодвигающегося перед ней, Ларисса изучала интерьер.

Многие потомки первых поселенцев, живущие в Новой Англии, относятся к своему богатству как к чему-то постыдному. Экономят на отоплении, ковры в их домах обычно выцветшие и изношенные. Ездят на недорогих практичных автомобилях до тех пор, пока те не приходят в полную негодность. Осуждают малейшее проявление расточительности и всячески стараются не привлекать к себе внимание. Пуританская этика у них в крови. Благотворительность для них не пустой звук.

Эндикотты принадлежат именно к таким семьям, но никакой рухляди она в их доме не увидела. Обстановка была простой и уютной. Богатство хозяев ощущалось, но не было показным.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Бостонские брамины» – нетитулованная аристократия, политическая и деловая элита Северо-Востока США.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/keytlin-kryus/skandal-naya-naslednica>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)